

Джеймс Баттервик: «Чудес не бывает»

За последние пару лет мир узнал цену финансовых пузырей, однако, по мнению многих, мало, кто усвоил урок, и с первыми признаками экономического восстановления возвращаются старые схемы и приемы. Казалось бы, огромные цены на рынке предметов искусства создают немало собственных пузырей, однако им не грозит снижение биржевых котировок, кроме того «картина стоит столько, сколько кто-то сможет за нее заплатить – ни больше, ни меньше», убежден **Джеймс Баттервик**, дилер и коллекционер и один из лучших экспертов в области русского искусства. И на эту цену нет скидок.

АЛЕКСАНДРА КУЛИКОВА, РЕДАКТОР, RBCC BULLETIN

Вы скорее дилер или коллекционер?

Я один из тех счастливых людей, которые зарабатывают на жизнь своим хобби! Прежде всего, я дилер, ведь это необходимо, чтобы коллекционировать. У меня было две значительные коллекции, в основном графика периода 1880-1920 гг. Это, без сомнения, самый интересный период русского искусства и главный объект моей работы. Я имею дело и с более поздними работами, например, около 1935 года, но редко с послевоенным искусством.

То есть Вы избегаете социалистического реализма?

Именно. Тем не менее в нашей семейной коллекции есть работа Дейнеки – эскиз станции метро Маяковская, который относится к соцреализму, но я в самом деле не люблю этот стиль. Я думаю, в нем слишком много пропаганды для искусства. Были и очень талантливые соцреалисты: Дейнека, который, пожалуй, был лучшим из них, также Пименов, но я все же стараюсь не приобретать ничего с советской символикой.

Я считаю, что работаю с наиболее любопытным периодом русского искусства – на фоне всей его истории 25 лет между 1905 – 1930 гг. стали наиболее выдающимися. Хотя, конечно, нельзя забывать и о том, что было до того – например, о творчестве двух великих русских художников – Серова и особенно Врубеля.

Это Ваш любимый художник?

Совершенно верно. У меня когда-то был автопортрет Врубеля в моей московской коллекции. Это была очень сложная картина: на ней был изображен образ больного человека. После долгих исследований я выяснил, что Врубель написал ее в Киеве около 1882-1883 гг. во время одного из своих нервных срывов. С этой картиной было очень сложно жить, и мы ее продали. Теперь у нас есть две картины Врубеля – эскиз «Маргариты», одного из панно в Морозовском дворце в Москве, и портрет Вовы Мамонтова.

Как Вы начали работать с русским искусством?

Я закончил Бристольский университет по двум специальностям – русский язык и история искусства. Были и семейные корни: мой дедушка был экспертом по серебру в аукци-

онном доме Сотбис, а мой крестный отец был президентом его Нью-Йоркского отделения. Любовь к русскому искусству пришла в 1980-х, когда я в числе многих других студентов поехал в СССР на стажировку. Я провел три месяца в Минске, и поскольку я интересовался искусством, я пошел в местный музей и, увидев картины, подумал: «Никто не знает об этом!»

Какой Ваш любимый музей или галерея в России?

Музей изобразительных искусств имени Пушкина, который обладает удивительной коллекцией импрессионизма и постимпрессионизма, и, конечно, Эрмитаж с его Великими мастерами. На самом деле, с возрастом меня все больше привлекают Великие мастера – только сейчас я начинаю лучше их понимать. Коллекция Великих мастеров в Эрмитаже бесподобна: она содержит большинство лучших работ Рембрандта.

Как ни странно, один из моих самых любимых музеев – музей Кастеева в Алматы. Это одна из тех удивительных историй, когда смекалистый директор музея собрал превосходную коллекцию после войны, когда государство перераспределяло картины. Так, музей в Алматы собрал работы Лентулова, Машкова, Кончаловского, Фолк, Петрова-Водкина, Борисова-Мусатова, Григорьева в маленькую коллекцию

Александр Русаков (1898-1952гг.) «Железнодорожная станция» (1945 г.)

Фото предоставлено Джеймсом Баттервиком

избранных картин. В нем есть прекрасные работы Волкова, авангардиста из Узбекистана; в нашей семейной коллекции также есть две его картины.

У Вас была стажировка в Сотбис. Почему Вы не остались там работать?

Я получил это место в 1985 году, но не задержался там надолго, потому что это не было не для меня: я всегда хотел заниматься своим делом. Я ушел из Сотбис и поехал в Россию. Я купил Бакста в 1987 году, а годом позже двух Репиных. В 1988 году я начал работать с дилером Роем Майлзом, приехал с ним в Россию и стал покупать работы соцреализма. Я понял тогда, что это было лучшее время для дилерской работы в России: было очень много дешевого искусства, и никто об этом не знал.

Такой успех русского искусства – это был лишь эффект запоздалого дебюта на рынке?

Да, частично. Советское государство, которое по большей части заморозило творчество с 1932 по 1991 гг, было единственным покупателем, помимо редких частных коллекционеров. Но я уверен, что коллекционирование у русских в крови, и перестройка лишь дала ему волю.

Есть мнение, что всплеск интереса к русскому искусству связан с недавним бумом на рынке недвижимости: богатые русские решили украсить свои роскошные дома.

В этом есть доля правды, но я все же думаю, есть более тонкое объяснение. Как я говорил, русские коллекционировали искусство на протяжении всей своей истории, и зачастую они просто «сметали» все, что есть. Екатерина Великая, например, следовала совету Вольтера среди прочих и приобрела удивительные картины. Далее были другие выдающиеся коллекционеры: Щукин, Морозов, Третьяков, Рябушкин, княгиня Тенищенна и др. Щукин и Морозов, которые ездили в Европу, собирали потрясающие коллекции для себя, но при этом они позволяли художникам приходить и смотреть на картины, что было очень важным фактором для русского авангарда. Как известно, Третьяков передал свою коллекцию в дар государству, тогда как собрания Щукина и Морозова были конфискованы большевиками. Щукин даже был назначен куратором своей собственной коллекции, что, должно быть, было очень унижительно.

Думаете, интерес к русскому искусству скоро исчерпает себя?

Нет, вряд ли. Думаю, то, что сейчас происходит, вполне закономерно. Например, есть художники – не особенно талантливые в моем понимании, чьи работы уходили по умопомрачительным ценам в прошлом. Сегодня покупатель понимает, что эти работы не стоили потраченных денег, в результате, интерес падает. Картины русских авангардистов с безупречным провенансом например, или таких художников как Борис Григорьев, Петров-Водкин растут в цене. Но все еще много подделок. Бывали случаи, когда меня просили оценить коллекции русского авангарда, которыми владельцы очень гордятся и которые стоили им миллионы, и каждая картина в них – подделка.

фото предоставлено Джеймсом Баттерликом

Александр Дейнека (1899-1969 г.г.), «Нырляльщики» (1938 г.), эскиз для станции метро «Маяковская», Москва

В Европе есть аукционные дома, которые проверяют подлинность предметов искусства. Как это происходит в России?

Что касается авангарда, все еще можно обратиться к членам семей: например, семьи Родченко и Волкова. Также есть независимые эксперты, например, Лена Жукова, великолепный знаток графики: если у вас есть картина и документ от Лены Жуковой – это знак качества. Я сам бываю в России, как минимум, раз в месяц, и каждый раз ко мне обращаются с просьбой подтвердить подлинность картин.

Как недавний экономический спад повлиял на мир искусства?

На частном уровне, очень сложно сказать, так как никто особенно не распространяется о проблемах. Я состою в организации МКААД (Международная конфедерация антикваров и арт-дилеров). У нас есть ежеквартальные конференции, и хотя мои коллеги молчат, очевидно, что у них был нелегкий год. Дела пошли на спад около июля 2008 года, но недавние аукционы в Лондоне и Нью-Йорке были очень успешными.

Русское искусство, упав на 30%, снова на подъеме. Особенность искусства – и особенно русского искусства – в том, что люди очень быстро понимают, что такое качество. А русские схватывают суть гораздо быстрее всех остальных. Я думаю, этот спад оказал очищающее воздействие на рынок. Люди в самом деле стали покупать меньше, но самые лучшие картины. Также аукционы в 2008 году не были провальными – около 60% лотов были проданы.

Вы думаете, лучшие работы еще хранятся в маленьких домашних коллекциях и еще «выйдут в свет»?

Да, я знаю пару коллекционеров, которые не любят показывать свои картины или продавать их. Если они все-таки собираются продать что-либо, то только в случае крайней необходимости, и тогда они советуются со мной. Можно все еще обнаружить неожиданные находки. Несколько лет назад владелица старой квартиры в Домодедово показала мне полотно, которое она получила от

дедушки и которое оказалось подлинной работой Кустодиева в прекрасном состоянии. Ей нужны были деньги, и она попросила меня продать картину для нее. Когда я сказал ей примерную стоимость картины, она чуть не лишилась чувств.

Кто Ваши клиенты сейчас? Как они приобретают предметы искусства?

Прежде всего, важно объяснить клиентам, что покупка предметов искусства – это удовольствие, на котором можно заработать. Я собирал коллекции в 1990-х, и с тех пор цены выросли до умопомрачительных высот: 2000-2500% прибыли – это вполне нормально для действительно хорошего произведения искусства. Есть умные и тонкие коллекционеры, такие как Петр Авен, который знает свое дело как никто иной. У него потрясающая коллекция, в частности благодаря тому, что он нанял лучших дилеров, чтобы ее собрать, – Михаил Каменский, Максим Боксер, Юрий Смирнов – все они профессиональны и имеют отличные контакты в мире искусства. Сегодня эти уважаемые люди – важные фигуры и в мире русского искусства.

Мир искусства все еще помнит, как Алишер Усманов купил коллекцию Ростроповича, и как Виктор Вексельберг приобрел коллекцию яиц Фаберже. Что это по-вашему – патриотизм или элемент социальной ответственности?

Я по-настоящему восхищаюсь тем, что они сделали. Усманов расстроил многих, когда согласился купить коллекцию Ростроповича за 24 часа до аукциона. Много дилеров, включая и меня самого, заплатили за то, чтобы приехать в Лондон и что-то купить. В этом есть и элемент социальной ответственности, и мне нравится, когда люди покупают искусство и делают его доступным для остальных на выставках. Ничто не доставляет мне такого удовольствия, как предоставлять картины из нашей коллекции для музейных экспозиций. Однако в коллекции Ростроповича было прекрасное прикладное и декоративное искусство, тогда как картины не были чем-то выдающимся. И это было так по-русски – взять и купить все разом. Но с искусством так нельзя – тут нужна деликатность. Я видел коллекции в России, где многие картины не представляют никакой ценности. Возможно, есть одна на сотню, но владелец просто решил купить все вместе, вместо того, чтобы посоветоваться со специалистом.

Люди просто «экономят» на услугах дилера?

Ошибка многих людей в том, что они воспринимают слово «дилер» как синоним слову «мошенник». Но на самом деле, опираясь на совет хорошего дилера, можно заработать большие деньги. Если люди богаты – это не вопрос денег, они должны понимать, что чудес не бывает. Бесплатный сыр в мышеловке, не стоит об этом забывать, особенно россиянам. Все думают, что они умнее всех, и это убеждение дорого обходится покупателям.

Например, в нашей семейной коллекции есть прекрасная работа Бориса Григорьева – «Дачница» из коллекции Шаляпина, и у нее есть конкретная цена. Некоторые состоятельные россияне хотели купить ее у меня, и все они надеялись на чудо – что я продам картинку за полцены. Картина

стоит столько, сколько кто-то сможет за нее заплатить – ни больше, ни меньше.

Каков профессиональный рынок предметов искусства в России?

Я прожил всего около пяти лет в России, и это удивительный подарок судьбы, ведь это так интересно! Я бы с ума сошел, если бы был дилером на Западе – это не сравнится с российским рынком. На западе очень сильна конкуренция, тогда как здесь есть дилеры ничем не уступающие своим западным коллегам, хотя рынок еще так молод. Я их очень уважаю: Наташа Курникова, Марина Лошак, Айдан Салахова – это замечательные дилеры и умные люди. В России есть великолепные коллекции, и я знаком со многими замечательными коллекционерами. У меня здесь много друзей – художники, дилеры, коллекционеры. На Западе не так много тех, с кем можно обсудить русское искусство. Здесь их сотни.

Русские всегда тонко чувствовали искусство. По-моему, величайшее достижение Советского Союза – это высочайший уровень образования. Образовательные стандарты падают во всем мире, но до середины 1990-х российское образование было невероятно сильным. Русские – одни из самых образованных людей, которых я знаю. В результате такой системы, многие люди разбираются в искусстве. Бывало, я на спор останавливал любого человека на улице и просил назвать пять русских художников, зная, что они смогут это сделать. Как нация вы даете прекрасный пример британцам в том, что нужно делать с нашим образованием. **В**

INVESTMENT CLIMATE IN RUSSIA ONLINE In Russian and English languages

Information Agency FC-Novosti (Financial Control – News) has been on Russia's media market since April 2003. It was founded under the patronage of the Accounts Chamber of the Russian Federation mostly to provide exclusive information and digests of press reports on the key issues of the Russian economy and the state financial control.

"FC-Novosti" newswire is compiled of essential news, analysis and comments on Russian financial, stock and commodity markets and financial control issues.

It is available in Russian language.

"Russian Financial Control Monitor" (RFCM) daily information package focuses its news coverage on the events and processes affecting the investing in Russia. News also supplemented with monitoring of key companies, industries and markets. It is issued in English and Russian languages.

- daily information on economic situation in Russia
- blocks of information on specified subjects
- instant access to sources of information on financial control issues in Russia
- analytical research at requests from corporate clients

For all requests or inquires contact

"FC-Novosti" Information Agency,

e-mail: market@fcinfo.ru

Tel/Fax: +7 (495) 201-7106

Zubovsky blvrd. 4. office 5015. Moscow. Russia